

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Н. А. Кохнович

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКЕ СТАТУТА ВКЛ 1588 г. ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
БЕЛОРУССКОЙ ШЛЯХТЫ О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ

В статье рассматривается функционирование ядерных лексем семантического поля «Честь» в тексте Статута ВКЛ 1588 г. Выделяются и описываются семемы 'высокое звание', 'репутация', 'почтение', 'целомудрие' и 'добродетель'. Устанавливается, что в Статуте 1588 г., описывающем исключительно шляхетскую картину мира, поле «Честь» структурировалось вокруг семемы 'высокий статус', при этом для данного поля характерна слитность «внешней» и «внутренней» семантики чести, а также вариативность и взаимозаменяемость ядерных лексем.

Честь как ценность, особый знак или система знаков, как элемент языковой картины мира неоднократно становилась объектом изучения филологов. Об актуальности этнолингвистических исследований лексики, относящейся к семантическому полю чести, свидетельствует издание в 2017 г. 5-го тома «Аксиологического лексикона славян и их соседей» с подзаголовком «HONOR» [1]. В белорусской лингвистике и шире – гуманитаристике – по-прежнему малоизученным остается развитие и изменение как семантического поля чести, так и системы представлений, стоящих за соответствующими фактами языка. *Объектом* настоящего исследования является семантическое поле чести в старобелорусском языке XVI в., а именно в варианте языка, представленном в Статуте ВКЛ 1588 г., а *предметом* исследования – ядерные компоненты интересующего нас семантического поля и основные структурные связи, образуемые ими.

Под семантическим полем (далее СП) мы понимаем «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [2, с. 99]. В данной статье мы опираемся на *методику* люблинской школы этнолингвистики Е. Бартминьского (далее ЛШ), применяемую в «Аксиологическом словаре», в частности, на этапе работы над текстами; при этом мы несколько модифицируем ее, принимая во внимание критику этой методологии, высказанную в рамках конферентии EUROJOS, а также некоторые положения Московской семантической школы (далее МСШ). В связи с этим мы стремимся описать семему как единицу плана содержания, что закономерно влечет за собой необходимость рассмотрения целого ряда близких по значению слов (*честь, почтливость, учтивость* и др.) в их структурных связях: синонимии, антонимии, гиперонимии и др., – установленных на основании выбранного корпуса текстов (в нашем случае это

текст Статута ВКЛ 1588 г.). Среди прочего мы рассматриваем также устойчивые подчинительные и сочинительные конструкции – коллокации и коллекции: последний термин определяется в рамках ЛШ как «собрание в повседневном, не научном понимании, т.е. ряд выступающих совместно предметов (событий, признаков), связываемых друг с другом по традиции либо на основании какой-то одной точки зрения» [3, с. 80]. В своем описании СП чести мы также выделяем некоторые специфические для данного поля семантические отношения – фасеты по ЛШ или специфические семантические корреляции по МСШ: условия утраты чести; условия повышения чести; реже – следствия чести.

Язык Статута ВКЛ 1588 г. становился объектом детального исследования в работах Ю. Ф. Мацкевич, М. М. Закарьян, Н. А. Новика, В. П. Мякишева и др. Однако ни разу СП чести вместе со стоящими за ним представлениями не попадало в фокус исследователей к качеству отдельной проблемы. Вместе с тем Статут ВКЛ в редакции 1588 г. дает богатый материал для такого анализа – более 100 контекстов, свыше десятка лексем: *честь, почтливость, учтивость, зацность, слава, мниманье*; названия действия, связанных с ущербом для чести – *ображенье, наганенье, приганенье* и др.

В статье 1967 г. «Об оппозиции “честь” – “слава” в светских текстах киевского периода» Ю. М. Лотман пишет: «Это был иерархический мир феодализма. Он принципиально охватывал не всех людей своего времени, а определенную – избранную – часть. Остальные находились вне классификации и как бы не существовали» [4, с. 112–113]. Это наблюдение применимо и к нашему материалу: именно шляхетское сословие было инициатором разработки Статута 1529 г. и его дальнейших редакций [5, с. 29–30]. Привилей на исключительное право Льва Сапеги издавать Статут ВКЛ 1588 г. – своеобразное предисловие к изданию – ясно называет адресата Статута: «славных и зацных панов» [6, с. 43]. Статуты ВКЛ, заложившие основу для дальнейшей эволюции прав человека, еще не позволяют говорить о чести и достоинстве как внесословных ценностях: всякий раз, когда речь идет о чести, имеется в виду исключительно честь пана, шляхтича.

Жанрово-стилистическая специфика Статута как текста заключается в его принадлежности к официально-деловому стилю, предполагающему точность терминов и клишированность формулировок. Однако, несмотря на то, что в Статуте 1588 г. присутствует ряд устойчивых формул с постоянным лексическим наполнением и синтаксическим строением [7, с. 67], имеет место и омонимия юридических терминов [8, с. 218]. Следует отметить и вариативность в плане выражения, в частности, взаимозаменяемость лексем *честь, поч(с)тливость и уч(с)тливость*: *честь тратить / почтливость тратить / учтивость шляхетскую тратить; судити о почтливость / отсуженье ч(с)ти; доткливыи почтivosti и доброй славе /*

доткливыи славе и учтивости и т.д. Как известно, подобная вариативность является нормальной для старобелорусской лексики в целом (напр., см. [9, с. 59]).

В качестве основных единиц описания нами были выделены семемы, образующие основу семантического поля «честь» в языке Статута ВКЛ 1588 г., а именно ‘высокое звание’ и ‘репутация’. Также мы рассмотрим менее рельефно представленные ‘почтение’, ‘целомудрие’ и ‘добродетель’.

Как говорилось выше, наличие чести определялось принадлежностью к шляхте, если не равнялось этому статусу. В Статуте данная семема реализуется прежде всего в контекстах утраты, о чем свидетельствуют коллокации: *ити / дотыкати о честь; честь тратити; при чти зоставати; судити о почтивость / отсуженье ч(с)ти; ч(с)ти подвышенье; обвиненье почтивости* и др. Выражается данное значение при помощи синонимичных лексем *честь* и *поч(с)тивость* (29 и 25 словоупотреблений), в единичных случаях также словами *уч(с)тивость* и *зацность*. Нередко употребление дублетов в одном контексте: «Теж уставуем, хто бы кольвек с подданных наших утекл с паньства нашего до земли неприятельское умыслом злым на здраду а ку шкоде нам, господару, и речы посполитой, такой **честь** тратить. А дети ачкольвек для того выступу отца своего **почтивости** свое не тратять, але от именей отца своего отпадывають» (1.6 – здесь и далее в круглых скобках указываются раздел и артикул Статута 1588 г.).

На уровне текста Статута 1588 г. не удается выявить гипероним для названных лексем. Они выступают в коллекции со словами *горло* (‘жизнь’) и / или *именье* (‘имущество’), образуя, по всей видимости, триаду важнейших **прав и ценностей** шляхты, ср. вариации: *честь и/або/ани горло, почтивость и горло; именье и честь; при чсти, так и при именьях; почтивость, и вси именья, и маетность*. Отдельно стоит представить коллекции типа [*се карати*] *отсуженьем маетности, почтивостью, везеньем и выволаньем* – здесь лишение чести выступает наряду со смертной казнью, лишением имущества, реже – экстрадицией. В единичном случае лексема *честь* выступает рядом с выражением *стан* и имеет значение ценности, поддающейся преумножению, а поскольку единственным лицом, имеющим право присуждать или отсуждать честь, называется Великий Князь (3.26), то условием повышения статуса является служение Князю (1.7).

Основным условием утраты чести как высокого звания является нанесение субъекту, более высокому по рангу, ущерба, такого как предательство (*здрада, змова, стикненье, бунт* и т.п.), убийство (*забитье*) и даже оскорбление, если речь идет о Великом Князе (*ображенье маестату господарского*). Эта закономерность объясняет наказание в виде лишения чести за такие разные преступления, как пособничество в государственной измене (1.3), самовольная отлучка с поля боя без разрешения гетмана (2.10), убийство ребенком своих родителей (11.7) или убийство мужа застигнутым

им любовником (14.30). Основным отягчающим обстоятельством, т.е. дополнительным условием утраты чести, является неповиновение (например, случаи убийства на суде, рассмотренные в артикулах 4.7, 4.62, 4.63, или случаи бегства с места преступления в артикулах 1.9, 1.13 и др.), хотя возможны и другие, связанные с нарушением моральных норм – например, совершение убийства *зрадливим потаемным обычаем* (11.17). Таким образом, представление о социальной норме, лежащее в основе понятия чести, опиралось как на сословную иерархию, так и на общие этические принципы.

Выделение семемы ‘репутация’ представляется возможным главным образом благодаря выражениям с компонентом *слава* либо *мниманье*, который часто идет в паре со словом *почтливость* (реже – *учтливость* и ни разу – *честь*): *речи, почтливости и доброй славе доткливые; словы доткливыми славе и почтливости его зсоромотил; обовезавши словы такими, которые се почтливости и доброе славы дотычуть; слов яких, доткливых славе и учтливости; учтливости и доброму мниманью его то шкодити не маеть* и др. – здесь честь также предстает как ценность, находящаяся под угрозой.

Важно отметить, что это не континуанты древнерусского *честь и слава*, описанного Лотманом, а скорее кальки с латинского *honor et bona existimatio (a. fama)*, имеющиеся также в польском языке XVI века [10, s. 258]. Выступают ли в этих парах синонимы – или названия нетождественных ценностей? Сравним название и первую строку одной из статей закона: «Артыкул 26. Иж в позвех наших земских не маеть нихто ни на кого речей неучтливых и образливых доброй славе писати. // Теж уставуем, иж в позвех наших земских, которие их берутъ, не мають писати речей доткливых почтливости» (4.26), – очевидно, что здесь лексемы *почтливость* и *добрая слава* употреблены синонимически и относятся к одному и тому же субъекту.

Основным условием утраты чести как ‘репутации’ было оскорбление, (сущ. *примовка, обвиненье почтливости, ображенье, приганенье, уближенье*). Стоит отметить, что СП ‘оскорбление’ в Статуте и в целом в старобелорусском языке исключительно богатое и нуждается в отдельном исследовании.

При широкой представленности семемы ‘почтение’ в языке эпохи, для соответствующих лексем Статута не представляется возможным выделить сколько-нибудь регулярные синтагматические и парадигматические связи. В Статуте 1588 г. найдем весьма небольшое количество словоупотреблений, причем бóльшая их часть приходится не на существительные, а на глаголы: *почитати, учтити, заховати в достоинствах и учтливостях*, напр.: «...будь теж сторону, при них будущую, листы, мандаты, позвы ести

примусил и тым нас, господара, и зверхности наше не учстил» (1.24). Встречается выражение *везенье учстивое* (то же, что *везенье лжейшое*), а также наречие *учстиве*, напр.: «челядник, служывши ему, отстал от него учстиве», хотя значение последней лексемы в некоторых контекстах может быть истолковано через семемы ‘добродетель’ либо ‘целомудрие’: «Братья теж або стриеве и которые кольвек близкие, маючи сестры в опеце своей, покуль их замуж выдадут, мають их учстиве на всем ховати, держачи при них невесту старую статечную. А естли бы учстиве ховати не хотели, тогды таковые девки могут на части своей, с которе им выправа быти маеть, сами седети...» (5.9).

Собственно значение ‘целомудрие’, фиксируемое историческими словарями белорусского языка для лексемы *почтивость* (см., напр., [11, с. 140]) и сохранившееся вплоть до XX века за лексемой *чэсць*, в текстах Статута встречается редко и, как правило, имеет иной план выражения: *уч(с)тивость, чыстость, встыд*. Чаще встречаются антонимы: *вшетечность, вшетеченьство, спросность*; для описания неподобающего поведения используются также прил. *неучстивый, збытечный*, нар. *неучстиве, нерядне, вшетечне* и др.; сюда же следует отнести оскорбления *неучстивое матки / нечистого ложа (сын)*. Соответственно *вшетеченьство* является основным условием утраты чести. Одним из следствий утраты чести-целомудрия является потеря наследства (8.7). Субъектом чести в данном значении может быть только женщина; однако не всегда, когда речь идет о чести женщины, имеется в виду только ‘целомудрие’: «А где бы теж хто примовил которой учстивой белой голове шляхтянце, называючи ее вшетечницею, жебы у стане своем неучстиве се ховати мела, тогды таковым же правом, яко вышей в том артыкуле написано о том, сужоно и карано быти маеть» (3.28), – здесь речь идет одновременно и о целомудрии, и о принадлежности к высокому сословию.

Спорным является включение в старобелорусское СП «честь» такой семемы, как ‘добродетель’. Так, анализ языка Статута 1588 г. не дает оснований отнести лексему *цнота* к названному СП. При этом семантика моральности, порядочности угадывается в некоторых словоупотреблениях лексем *учстивый, учстивость, учстиве* (напр., *О спокойном и учстивом захованью при дворе нашом господарском; всякая учстивость и поважность, поволанью хрестияньскому належачая, была захована; учстиве се ховати*). В Привилее об утверждении Статута, подписанном 28 января 1588 года, появляется собирательное понятие *почстивое*: «...яко бы се [чоловек] за тым, што ест почстивого, завжды удавал, а што непочстивого, абы се того выстерегал». В Посвящении Статута Сигизмунду III возникает образ *чоловека почстивого*, широко представленный в польской культуре этой эпохи: «...в каждой речы посполитой човеку почстивому ничого не маеть

быти дорожшого над вольность»; «и прото люди почстивые не только маетности, але и горл своих против кождому неприятелю выносить не жалуютъ»; развитие темы находим в тексте одного из законов (3.27). Все это, а также единичные словоупотребления наподобие *порядок и скромность з учтивостью пристойною* и стандартные формулы присяги: *под верою под почстивостью и сумненем нашим; под обовязком присеги, под верою, честию и сумненьем нашим* – подтверждают существование связи между представлениями о чести и о таких понятиях, как совесть, вера, порядок, долг.

Исследователь С. М. Толстая писала о «внешней» и «внутренней» чести [12, с. 224], и выделенные в данной статье семемы ‘высокое звание’, ‘репутация’ и ‘почтение’ мы можем отнести к первому типу значений, а ‘целомудрие’ и ‘добродетель’ – ко второму. Очевидно, что язык Статутов отражает период формирования языка, когда развились уже оба типа значений, при этом более актуальной по-прежнему оставалась «внешняя» честь. С. М. Толстая указывала также на контексты «диффузного характера», которые могут охватывать сразу несколько аспектов (напр., *обесчестить девушку, затрагивать честь*) [12, с. 225]. Это замечание в наивысшей степени применимо к рассматриваемому нами материалу: вспомним такие спорные контексты, как *дотыкати почстивости и доброе славы; шкодити почстивости; учстиве ховати; учстивая белая голова; под верою, честию и сумненьем нашим* и др. По всей видимости, для исследуемой нами эпохи характерна некоторая слитность представлений о чести как правовом статусе шляхтича и о чести как его самоощущении в соотношении с мнениями и утверждениями других людей. Поступки человека отождествлялись с мнением о нем, а мнение воспринималось как эквивалент подлинной ценности. Эта гипотеза подтверждается также формулировками законов, по которым на *наганень* и *приганень* необходимо было реагировать, доказывая свою принадлежность к шляхте (3.21), а также самим фактом многочисленных судебных разбирательств, связанных с оскорблениями и ведущих к разработке соответствующих статей закона.

Проведенный анализ текста Статута ВКЛ 1588 г. позволяет сделать ряд выводов:

1) как тексты позднефеодальной эпохи Статуты ВКЛ отражают перспективу и точку зрения шляхты; соответственно, реконструируемое здесь для старобелорусского языка семантическое поле чести отражает лишь шляхетский профиль данного концепта;

2) поле структурировалось вокруг ядерной семемы ‘высокий статус’; прочие семемы – ‘репутация’, ‘почтение’, ‘целомудрие’, ‘добродетель’ – представлены фрагментарно и являлись менее актуальными для текста официально-делового стиля и, возможно, для эпохи в целом;

3) СП чести была свойственна вариативность в плане выражения: ядерные лексемы *честь*, *почтливость* и *учтливость* во многих случаях были взаимозаменяемыми, различия в их сочетаемости зависели прежде всего от актуализации той или иной семемы в контексте;

4) уже в старобелорусском языке возникает представление о чести как внутреннем нравственном регуляторе; при этом рассматриваемое поле характеризуется определенной слитностью представлений о реальном статусе, внутреннем чувстве и о внешней угрозе этому статусу и чувству.

Данная статья представляет собой лишь первый шаг по изучению СП чести в старобелорусском языке; безусловно, должны быть сделаны дальнейшие шаги: описание других репрезентативных источников; установление этимологии важнейших устойчивых конструкций; анализ антонимического поля «оскорбление» и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. T. 5: Honor–Lublin : UMCS, 2017. – 431 s.
2. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
3. Bartmiński, J. Założenia teoretyczne słownika / J. Bartmiński // Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny / J. Adamowski [et al.]. – Wrocław, 1980.
4. Лотман, Ю. М. Об оппозиции «честь» – «слава» в светских текстах киевского периода // Ю. М. Лотман. Избранные статьи. В 3-х т. / Таллин, 1992. – Т. II. – С. 111–126.
5. Дамарад, А. А. Эвалюцыя правоў шляхты Вялікага княства Літоўскага ў XVI ст. / А. А. Дамарад // Труды БГТУ (Научный журнал). – 2010. – Т. 18. – № 5. – С. 28–32.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588: Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Бел. сав. энцыкл. – Мінск. : Бел. сав. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. – 570 с.
7. Паляшчук, Н. В. Кампазіцыя і змест заканадаўчых артыкулаў Статута Вялікага Княства Літоўскага 1588: лінгвастылістычны аспект / Н. В. Паляшчук // Матэрыялы IX Міжнародных кнігазнаўчых чытанняў «Статут Вялікага Княства Літоўскага ў гісторыі культуры Беларусі» (Мінск, 18–19 красавіка 2013 г.) / Нацыянальная бібліятэка Беларусі; складальнікі: Т. А. Сапега, А. А. Суша. – Мінск, 2013. – С. 64–69.
8. Клімаў, І. П. Юрыдычная тэрміналогія ў Статуце ВКЛ 1588 г.: праблема вывучэння і апісання / І. П. Клімаў. – С. 212–220.
9. Лексіка старабеларускай літаратурна-пісьмовай мовы XIV – сярэдзіны XVI ст. / І. У. Будзько [і інш.]; Нац. акад. навук Беларусі, Цэнтр даслед. беларус. культуры, мовы і літ., Ін-т мовазнаўства імя Якуба Коласа. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – 558 с.

10. Słownik polszczyzny XVI wieku / M. R. Mayenowa, K. Wilczewska. – Tom 25: Po–Podnożny. – Wrocław, 1997. – 501 s.
11. Падручны гістарычны слоўнік субстантыўнай лексікі. У 2 т. / склад І. У. Будзько [і інш.]; пад рэд. А. М. Булыкі. – Т. 2: П–Я. – Мінск, 2013. – 515 с.
12. Толстая, С. М. Русская ЧЕСТЬ и польский HONOR / С. М. Толстая // Leksykon aksjologiczny Słowian i ich sąsiadów / pod red. J. Bartmińskiego. – Т. 5: Honor–Lublin : UMCS, 2017. – С. 223–236.

The article deals with the functioning of the core lexemes of the semantic field “honor” in the 1588 text of the Statute of the Grand Duchy of Lithuania. The sememes ‘high status’, ‘reputation’, ‘respect’, ‘chastity’, and ‘virtue’ have been distinguished and described. It is established that in the Statute of 1588, which describes exclusively the gentry’s picture of the world, the semantic field of “honor” was structured around the ‘high status’ sememe and characterized by the fusion of the “external” and “internal” semantics of honor, as well as the variability and interchangeability of core lexemes.

Поступила в редакцию 01.07.2019